

ЮРИЙ ПУРГИН: «...КОГДА ЖЕЛАНИЕ РАССКАЗАТЬ ЛЮДЯМ О ЛЮДЯХ СИЛЬНЕЕ ПРОЧЕГО»

10 вопросов самому себе

— Журналистика это...

— Журналистика — это образ жизни. Когда желание рассказать людям о людях сильнее прочего. Честно. Лучше талантливо, но хотя бы профессионально. И всегда интересно. Без брехни. Угадывая явления. Изучая их природу. Не преувеличивая, но и не при-нижая.

Часто журналистику путают с работой в СМИ. Это не совпадает. Потому что СМИ бывают разными. Иногда с задачами, которые не являются задачами журналиста.

Я с тревогой наблюдаю, как уменьшаются наши ряды. Как заканчивается профессия. Как исчезают из СМИ журналистские материалы. И происходит это не потому, что людям не интересно знать, как живут и чем дышат другие люди. И не потому, что информационный голод сменился информационным пре-сыщением.

Просто кому-то так легче жить. Ретушируя дей-ствительность, создавая симулякры, искусно подме-няя смыслы и понятия.

● Юрий Пургин — генеральный директор издательского дома «Алтапресс», одного из ведущих независимых региональных издательских домов России, который в 1990 году начал выпускать газету «Свободный курс». Член Комитета по предпринимательству в сфере рекламы ТПП РФ и Общественной коллегии по жалобам на прессу.

● Является профессором Алтайского государственного университета. Соавтор учебника «Мультимедийная журналистика» Высшей школы экономики, автор научной монографии «Стратегия неизбежного перехода», посвященной проблематике трансформации традиционных СМИ.

● Лауреат премии Правительства РФ в области печатных СМИ. Удостоен звания «Лучший медиаменеджер России» и знака «За заслуги перед профессиональным сообществом» СЖ РФ

Портрет на фоне обложки пилотного номера «Свободного курса».

Теперь стали путать журналистику с блогерством, инфлюенсерами. Но блогер — не журналист. В лучшем случае журналист народный. Интерес которого к самому себе и желание высказаться превалирует над всем остальным. Поэтому желательнее одно другому не путать, чтобы не попасть в неловкое положение и стать заложником чужого отношения к жизни.

— Почему я пошел в журналистику?

— Из-за того, что сделал выбор в пользу понравившегося мне образа жизни. После окончания математического класса престижной в Свердловске (а ныне Екатеринбурге) школы думал о трех профессиях. Первая мысль — пойти во врачи, с которыми тогда много встречался.

Вторая — поступить на физтех, поскольку серьезным атомным физиком была моя тетья.

И, наконец, третья — пойти в университет учиться на факультет журналистики. Об увлекательной жизни на этом факультете мне много рассказывала бывшая ученица другой моей тети — учителя географии, с которой мы ходили в походы.

В рассказах этой девушки было все, кроме учебы.

И студенческий колхоз, в котором разыгрывали после работы в борозде историю КПСС в играх и забавах, и рукописный журнал, и театр трех актеров, где ставились необычные юмористические спектакли, и творческие практики в больших и малых газетах всей нашей страны.

В школе мне повезло с литераторами. Все они ценили свободу высказываний, оригинальность текстов, неожиданный поворот мысли. Ну куда еще мог пойти президент школьного литературного клуба, жаждущий немедленного действия и творчества? Так победил журфак. О чем не жалею.

— Кого из героев своих материалов вы помните и почему?

— Помню директора завода мехпрессов Вячеслава Крымова. Материал о кадровой революции на его заводе вызвал много пересудов. Уж слишком резкими и необычными казались в конце 1980-х его эксперименты.

Например, день «убитого начальника». Когда работой большого завода управляли дублеры, а все действующие руководители отправлялись пополнять

свои знания в библиотеку. Работа над материалом переросла в дружбу. Когда Крымова поставили секретарем ЦК крайкома партии по промышленности, мы втихаря обменивались с ним запрещенной управленческой литературой. Я ему — Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения», он мне — «Принципы управления "Тойотой"».

Кстати, с нынешним владельцем и директором этого предприятия, которое в этом году освоило производство колесных дисков большого диаметра, мы встретились первый раз тогда же, когда он был дублером начальника цеха.

Помню и другого героя, точнее антигероя, моей публикации. Фамилию его называть не буду. Материал касался технического прогресса на другом заводе и тех, кто стоял у него на пути.

Таковым оказался главный инженер, который похоронил интересное изобретение молодого специалиста. Материал как материал. Крепко написанный.

Хлесткий. Но потом ко мне в кабинет заглянула женщина — жена, ставшая вдовой, моего антигероя. Рассказала, что я был несправедлив в своих оценках. Что ее муж сильно переживал после выхода публикации, и у него оторвался тромб.

Кто был тогда прав, рассудила история: на месте завода расположился торговый центр. Но цену печатному слову я для себя навсегда уяснил. И если бы была такая возможность, кое-что, не меняя позиции, поправил.

Так начиналась моя жизнь в профессии. На самом деле героев публикаций «Свободного курса», о которых помню, и о которых стоит рассказать, наберется на приличную книгу.

Упомяну здесь только один редакционный проект. Когда в течение двух лет мы печатали почти в каждом номере графический портрет нашего земляка — героя дня, нарисованный алтайским художником Николаем Зайковым, и короткий в стиле Юрия Роста мини-очерк или зарисовку о нем в зависимости от способностей журналиста.

В общей сложности получилось более 70 таких портретов. Это было красиво. Думаю, все наши герои эти полосы хранят и детям показывают.

— Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

— Считал. Но сегодня — это не так. Слишком много ограничений на деятельность журналистов наложи-

Три соредатора. Основатели «Свободного курса». 1997 год

Российские издатели в поисках правильного пути. Швеция. 2006 год

С Алексеем Симоновым на выездном Президентском совете по правам человека. 2011 год

«Бессмертный полк» на Алтае появился благодаря «Свободному курсу» в 2013 году. Фото с марша народной памяти в Барнауле 2017 года

ли законодатели. Я думаю, что наше профессиональное сообщество, не справилось с тем, чтобы утвердить СМИ в качестве четвертой власти, а свободу слова сделать подлинной ценностью для общества. Не хватило самоорганизации, условий для саморегулирования, не хватило рынка. Сражение за свою независимость российские СМИ, к сожалению, проиграли бюрократии.

Когда в 1990 году мы с товарищами создавали первую на Алтае независимую газету с говорящим названием «Свободный курс», то верили, что такое возможно.

«Багаж, с которым мы собираемся выйти на рынок — опыт, профессиональное мастерство. И еще — желание работать свободно. Писать то, что думаешь, и не бояться, что завтра из-за "слишком смелой" строки твои материалы и комментарии дойдут до читателя в урезанном виде. "Свободный курс"» —

это наш путь к свободе. Наш и одновременно ваш», — писали мы, три соредатора, в обращении к читателю, размещенном на первой полосе «нулевого» пробного выпуска газеты.

Сегодня, спустя более 30 лет, вынужден констатировать, что мы снова оказались в самом начале этого пути. В моменте, когда маятник идет в противоположную сторону. Но это — не останавливает. Наоборот. Прodelать работу над ошибками, воспитать новое поколение будущих журналистов, которыми будет гордиться и край, и страна. Передать свои ценности в надежные руки.

Последние годы для редакции были самыми трудными в экономическом плане. Далеко не все прошли с нами эти испытания. Кто-то подался в пиар, кто-то уехал в столицу. Часть сотрудников купили конкуренты, созданные финансово-промышленны-

ми группами. А кто-то работает в госСМИ. Упрекать ушедших отличных журналистов не хочу и не имею права. Как там было у Маяковского: «...Но ведь надо заработать сколько! Маленькая, но семья».

Выправить положение, добиться, чтобы наш редакционный корабль больше не черпал бортом, удалось только в прошлом году.

Сейчас заделываем пробоины и штопаем паруса. В коллектив пришла веселая отчаянная молодежь. Она презирает трудности и готова покорять мир. Но попадает в далеко не лучшие внешние условия. Когда любой проблемный материал часто трактуется местными властями как негатив. Поэтому своей целью ставлю их сбережение. Чтобы не боялись писать о том, что видят, и как думают.

— Что помогает не терять веру в профессию?

— Коллеги, их самоотверженный труд. Наши читатели. Число которых, несмотря на резкое уменьшение печатных тиражей, снова растет. При этом степень доверия и интерес к публикациям возрастает. Мы вдвое за последний год увеличили охват аудитории в социальных сетях.

К нам стали чаще обращаться как к последней инстанции, которая может помочь достучаться до чиновников, если не устранить, то навести фокус на неочевидные факты, поставить проблему. И, конечно, рассказать людям о людях, которые делают мир вокруг себя лучше.

А еще богатый личный опыт выживания в профессии в советские времена, когда ограничений было тоже достаточно. За время работы в «Алтайской правде» в качестве молодого специалиста у меня в стол легло несколько больших материалов, которые в крайкоме партии предложили не публиковать из-за несвоевременности постановки проблемы.

И главная надежда — молодежь, которой не все равно. Такие ребята у нас имеются. От редакторов требуется — не мешать, подавать пример, создавать творческую атмосферу, в которой нет недостатка воздуха. Мне кажется, что наши редакторы с этим сегодня справляются.

— Если не журналистика, то...

— Являюсь профессором Алтайского госуниверситета. Двадцать лет назад мы создали Школу практи-

ческой журналистики. Пошли в университет и сдались: согласились вести прикладные дисциплины на профильных кафедрах.

В общей сложности за год через издательский дом проходило до 200 студентов. Наши топ-менеджеры читали до 18 часов лекций в неделю. Идея проекта состояла в том, чтобы изменить среду и получить подготовленное пополнение.

Мне кажется, что миссия удалась. То конкурентное пространство, которое есть сегодня в регионе, и то, что в профессии остались многие наши бывшие студенты, говорит о том, что эти усилия были приложены компанией не зря.

Новый проект, который мы обсуждаем с филиалом РАНХиГС, — создание факультета медиакоммуникаций. С лабораторией новых технологий, вузовским медиацентром и практической базой, которой может служить «Свободный курс». В качестве пробного шара читаю там сейчас курс магистрам.

А еще выступаю в качестве организатора и ведущего наших ключевых мероприятий. Таких, например, как «Менеджер года», которому предшествует проведение большого цикла отраслевых круглых столов, или крупной сельскохозяйственной конференции «Алтайагро».

Редакция, благодаря этой работе, собрала вокруг себя большое сообщество предпринимателей, которые на нашей площадке теперь обсуждают не только узкие профессиональные вопросы, но и проблемы развития региона.

— Как вы отдыхаете?

— Хожу по лесу с палочками. Езжу на велосипеде, а зимой катаюсь на лыжах. Люблю с семьей путешествовать по Алтаю. Сесть осенью на берегу Катуня, когда вода становится по-настоящему бирюзовой и напитаться энергией, которая исходит от горной реки, — что может разгрузить лучше?

Или доехать до места, где Чуйский тракт тянется вдоль белков в Курайской степи. Или весной увидеть розовые горы, утопающие в маральнике, будто на картине Моне.

А пройтись в Рождество меж сосен, елей и кустарника, заснувших в сказочном куржаке, вдоль незамерзшего живого темного ручья, пробивающего себе дорогу в синем от мороза льду. Фантастика!

— Какие хулиганские поступки вы совершали в детстве и юности?

— К хулиганам меня, пожалуй, причислить было трудно, хотя детство прошло в необычном месте Свердловска — Зеленой роще, рядом с садом опального маршала Жукова и краеведческим музеем, расположенном тогда в соборе Александра Невского. Сегодня этот великолепный храм — украшение и духовная опора Екатеринбурга.

Да, был грех, лазили за яблочками к Жукову, за что охраняющие генеральский сад собаки рвали нам штаны. Каюсь, играл во дворе в «чику» и «пристенок» на деньги. Но зато мы вырезали щиты из фанеры, делали копья и мечи из дерева, шлемы из жести и играли в Айвенго.

В старших классах обменивали и покупали зарубежные пластинки с крутым зарубежным роком, за что один раз даже имели привод в милицию.

В университете все было серьезнее. Перепечатывали самиздат, в частности, запрещенную «Улитку на склоне» братьев Стругацких. Выпустили подпольный рукописный журнал с собственными рассказами.

Пожалуй, самым ярким по ощущениям был для нас студенческий колхоз. Я был возчиком отряда. Возил бочку с водой и разные продукты. Писал меринизмы, которые публиковал в колхозной журфаковской стенгазете.

Меринизмы, потому что в моем распоряжении сначала был мерин. После на конюшне мне выделили кобылу с жеребенком, а под конец сезона дослужился до коня. В колхозе разыгрывали поступивших абитуриентов. Рассказывали им, что их ждет не суровая работа в борозде, а легкая полная удовольствий и развлечений жизнь.

Я отбирал студенток в две секции: верховой езды и восточно-эротического эпоса. Если записываться в секцию эпоса много желающих не нашлось, то от мечтающих о катании на лошадях не было отбоя. Девчонок не останавливало даже то, что им предлагали внести взнос на строительство ипподрома. Через несколько дней розыгрыш стал очевиден, пришлось признаться, что никакого ипподрома в селе нет, и не будет.

Но за это время я успел собрать достаточное количество средств, чтобы закатить среди грузчиков веселую пирушку.

У лечебного
стула №1 со
Светланой
Сорокиной.
Медиафорум,
Воронеж.
2016 год

Рождественская
сказка. С женой
Татьяной в Горном
Алтае. 2019 год

— Ваше самое яркое воспоминание?

— Наверное, как мы готовили первый номер газеты. Осень 1990-го года. В редакции «Алтайской правды» — ветра перестройки. Мои умудренные опытом коллеги — ответсекретарь Владимир Овчинников и редактор городской полосы Вячеслав Соколов говорят о том, что слишком многое недоговариваем, что дальше так работать нельзя.

Я — самый молодой из них, возглавляю отдел промышленности, транспорта и связи, мечтаю вслух: вот бы завести собственную газету, и в ней высказаться от души. Можно делать собственное журналистское приложение к «АП», — подают идею коллеги. Но тогда финансирование его не должно зависеть от крайкома партии, развиваю я их мысль. И предлагаю вариант — обратиться к недавно созданной Алтайской региональной ассоциации экономического сотрудничества, которая опирается на крупных промышленников края.

Неожиданно там нас поддерживают, и тогда мы выступаем на редакционной летучке, где излагаем наш план: делать независимое от крайкома КПСС экономическое приложение. Деньги на это есть.

Наивно, конечно. Что нам вежливо пытаются доказать редактор: работать в партийной газете и быть свободным от партии нельзя.

Тогда мы все трое пишем заявление об уходе. Ну ладно я, на седьмом году после окончания университета. А каково было старшим товарищам, которые отдали «АП» свои лучшие годы? Но пока наши заявления «вылеживались» у редактора, мы приступили к созданию концепции и выпуску пилотного номера газеты.

В газете практически не было журналистов. Зато было сразу три соредатора. У каждого было право наложить «вето» на публикацию. Материалы писали сами и заказывали журналистам «АП», которые разделяли нашу позицию.

Издательство выделило нам большой кабинет с мебелью, пообещало печатать газету. Составили тройственный договор на издание независимой газеты. Ассоциации промышленников были обещаны: логотип в выходных данных и фраза «издается при поддержке...» и публикации о ее членах, издательству — своевременная оплата аренды и печати, участие в будущей прибыли. Первый номер назвали «нулевым». В нем было много интересного. Заочный диа-

лог председателя Ленсовета Анатолия Собчака и председателя Алтайского крайисполкома Юрия Жильцова о создании свободных экономических зон, материал о «разводе» Алтайского края и республики Алтай, рассказы про открывающиеся биржи, маркетинг, новые формы предпринимательства. О том, как старая партийная номенклатура захватывает новые органы власти. Про рэкет и алкобизнес. Эксклюзивное интервью Георгия Буркова, взятое у артиста в Москве, в котором он сказал, что перестройка не будет мгновенной, понадобится такой же временной период, сколько существовала советская власть, — лет семьдесят.

А еще мы начали печатать в номере книгу диссидентских анекдотов. И, конечно же, там появилась первая реклама. Потому что предприятие, выпускавшее газету «Свободный курс» называлось рекламно-издательское агентство «Алтапресс».

Сегодня принято бранить 1990-е. А для нас это были самые счастливые годы. Годы реализации самой большой мечты. Первый отпечатанный тираж составлял тысячу экземпляров. Через четыре года газету мы печатали 55-тысячным тиражом.

— Ваши любимые книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

— Книги, если можно, три. «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы, «Новый сладостный стиль» Василия Аксенова и сборник избранных стихов Давида Самойлова.

Объединяет все три книги — особое авторское дыхание, свой уникальный язык. А еще точно найденные слова и своевременные мысли. Все трое ведут непрерывный диалог с читателем, интерактивны, как бы сказали сейчас.

И Окуджава, и Аксенов создают для меня столь необходимое сегодня пространство свободы. Самойлов учит писать просто и ясно. Но это простота мастера, где отсекается все лишнее и пустое.

Люблю фильмы Андрея Тарковского. За киноживопись, достичь которой никто более не смог. Переглядывал каждый по многу раз. И каждый раз испытываю потрясение от увиденного, от игры великих актеров, от света и тени, от силы черно-белой съемки и включения цвета, от образов и символов, которыми полны картины мастера.

*Работа журналиста чем-то схожа с работой полярника.
Найти и не сдаваться. Осло. 2011 год*

*С новым годом, «Алтапресс»!
2012 год*

Выбрать одну песню тяжело, поскольку с музыкой не расстаюсь даже на рабочем месте.

Это рок, джаз, классика. Пусть сегодня будет Hey Jude The Beatles.

Когда после университета мы разъезжались по городам и весям, разделили коллекцию пластинок The Beatles. Мне достался Rubber Soul. Шестой студийный альбом группы, записанный всего за четыре недели. Музыкальные критики говорят, что он стал предтечей многих суб-течений рока. А еще, это первый альбом, песни для которого написали все битлы. Лихой получился альбом. В нем есть известные всем Mishelle и Girl.

Про еду. Сам готовлю только по необходимости.

Восхищаюсь кулинарными экспериментами жены.

Люблю хорошо приготовленное мясо от сибирских охотников: кабана, косули. Но и от японской кухни не откажусь. Только в самой Японии, где свежайшая проверенная рыба и морепродукты.

Напитки предпочитаю выдержанные крепкие. В минимальных дозах. А еще завариваю для банной компании клюквенный фирменный чай с фирменными алтайскими травами.

*Издательский дом «Алтапресс».
Свой корабль построили сами в 2001 году*

&